

Он знал себе цену

Из книги воспоминаний Галины НЕСТЕРОВОЙ-КУРОЧКИНОЙ об авторе «На войне как на войне»

НА РУСИ повелось, знакомась с человеком, интересоваться его родом-племем. Владимир Иванович Даль даже слово русское не мог характеризовать иначе как в гнезде. Тем более человека негоже представлять обрубленной веткой или хуже того — оборванным листом.

Виктор Александрович Курочкин родился, как значилось в его паспорте, 23 декабря 1923 года в деревне Кушниково Высоковского района Калининской области. Паспортные данные Курочкина копирую по свидетельству о браке. На документ ссылаюсь по двум причинам: во-первых, деревня Кушниково в разные годы причислялась к разным районам, во-вторых, дата рождения писателя трактуется двояко. Лутаницу внес сам Виктор Александрович. В архивах сохранились две автобиографии Курочкина, написанные его рукой: одну он писал для военкомата, другую — при вступлении в Союз писателей. В первой автобиографии (рукописный экземпляр хранится в архиве Пушкинского Дома) Виктор Александрович указал год рождения по паспорту, во второй — поставил 1925 год. Так сказать, взял себе своеобразный псевдоним, укоровив свой литературный возраст. Обнаружив по-месяцеслову 1858 года, что имя Виктор выпадает на 23 ноября, я однажды выразила сверкави подозрение на ошибку священника. Татьяна Алексеевна, поджав губы, уведомила меня: «Это Саня своей властью исправил год и число, а батюшка все правильно вписал: Витенька народился 23 ноября 1922 года».

Александр Тимофеевич, отец писателя, будучи в двадцатые годы секретарем Кушниковского сельсовета, всем своим ближайшим родственникам убавил по году. Юлия, сестра писателя, в предпензионный возраст старалась по церковным книгам Тверского края восстановить подлинную дату своего рождения. Из областного архива ей ответили, что книги селения Красное (где была церковь) погибли в период оккупации. Так и пришлось Юлии Александровне перерабатывать лишний год. Я тоже пыталась в Калининском областном архиве самостоятельно установить точную дату рождения Курочкина, но то ли церковные книги в самом деле утрачены, то ли мне их просто не нашли.

Виктор Александрович величал себя твердичем, малую свою родину никогда не именовал Калининской областью, на свой манер протестуя против укорова истории древнего края.

Викс к истории привил будущему писателю дед Тимофей Афанасьевич Курочкин — фигура приметная, колоритная. Не возьму в толк, где набрался сын бывшего крепостного честолюбия и решимости облагородить свой род — вывести его из крестьян в помещики. И не пустым мечтателем был Тимофей Афанасьевич. Вся жизнь положил на осуществление своего заветного желания. Род Лобановых (Курочкиными они прозываются по-улицному) везуч был на мужчин: сплошные сыновья в семьях, а оттого и землей обеспечены. (Пай давался на мужскую душу, девки не в счет.) Работать Лобановы умели и жили в достатке. Смолоду не давал скучать односельчанам Тимофей. Пришел в дом бесприданницу. За песни взял. «Сошел с круга» — поставило на нем точку «общественное мнение». Но Дуношка была гораздо не только песни петь. В своих батрачских скитаниях от дома к дому обучились они с матерью разным ремеслам и оказали себя мастерами на все руки. «Не жену, клан нашел Тимофей», — понеслось скоро по Кушникову. Молодые и с хозяйством сладили, и трюх сыновей на свет произвели.

Как только поднылась ребятишка свои ноги, подпаторела в пучках держать, помимо ложки, какой-то рабочий инструмент, подальше Тимофей Афанасьевич в Петербург, сколачивать леньгу на осуществление заветной мечты. Честолюбие и азарт в натуре Тимофея Курочкина зниклились на редкостной физической силе и упорстве. Не убоился он пойти в котельщики-глухачи на завод Семьяникова (ныне завод имени Ленина). Котлы для судов клепались вучную. Одновременно снаружи и изнутри «чепальники стучали по металлу молотками. Те мастера, которые находились в котле, от постоянного звона в ушах глухли. Своей волей рабочий люд в глухачи не шел, хозяин завода приманивал охотников высокой надбав-

Однажды в редакции толстого журнала, куда я принес рецензию на повесть Виктора Курочкина «Записки народного судьи Семена Бузыкина» (опубликована посмертно в журнале «Нева»), мне было сказано: «Курочкин? Ах, да! Это для эстетов». Я не поверил своим ушам. Курочкин — для эстетов! Кажется, не было писателя яснее и проще; опять же — фронтовик, гвардии лейтенант, автор повести «На войне как на войне», напечатанной в 60-е годы не в «Новом мире» даже, а в сермяжной «Молодой гвардии». И — правильно, это был писатель не для «Нового мира», как и, например, Юрий Казаков (почему-то есть такое чувство). Что же, собственно, в нем «эстетского»?

Но по зрелому размышлению я понял, что сотрудник толстого журнала, может быть, невольно сказал какую-то правду. Положение Виктора Курочкина (1923—1976) в нашей литературе довольно странное. С одной стороны, оно как будто прочнее многих других «положений» и «репутаций», создаваемых и поддерживаемых, как правило, мучительно и с натугой от первой шумной публикации в каком-нибудь престижном журнале до чувствительного некролога в «Литературной газете». Курочкин не имел громкой славы ни при жизни, ни после нее; сна к нему как-то «не клеилась», как известные породы материалов не клеются к другим породам. Поэтому ему нечего было терять. Кто ценил его при жизни, це-

нит и теперь (а среди них не только простые читатели, но и, например, Астафьев и Конечкий); но опять же без натуги, без надрыва, без «вот, мол, какого писателя русская земля потеряла, и где же мы раньше-то были». Просто знают, что был и есть Виктор Курочкин, который удостоился, на мой взгляд, высшей земной награды: называться всего-то автором «На войне как на войне» без прочих приписок.

Александр Яшин, не будучи даже близким знакомым Курочкина, прочитав «На войне как на войне», написал ему следующее:

«С моей точки зрения, Ваша книга станет в ряд лучших художественных произведений мировой литературы о войне, о человеке на войне. К тому же это очень русская книга. Я думаю, что не ошибаюсь... Читал я Вашу книгу, и ликовал, и смеялся, и вытирал слезы. Все удивительно тонко, достоверно, изящно, умно. И все — свое. Ваше, я не почувствовал никаких влияний. А это очень дорого... Ваша книга бьет по всем неуемным писателям, бесталанным, но поставленным у «руководства литературой», как же им не сопротивляться. К тому же и совести у этих людей нет. А ведь многие из них тоже о войне пишут. Смотрите на эти статьи как на рекламу*. Если бы не они, и я бы, наверно, долго еще не имел счастья прочитать Вашу повесть... Саня Малешин имеет лишь одного предшественника — Петю Ростова (больше я пока не вспомнил). 27.X.65».

* Речь идет о статьях в «Известиях» и «Литгазете».

кой. На тот приварок и позарился дед Виктор. При каторжном труде он соблюдал жесточайшую экономию в быту и в питании, а деньги копил в немецком банке, где процент за вклад давали выше, чем в русских заведениях того же типа. И был Тимофей Афанасьевич близок к цели, летом в тринадцатом году не стеснялся предложить свой капитал за соседнее с Кушниковым имение Малинки. Знаменитые Малинки в начале нашего столетия были уже далеко не тем имением, как во времена Пушкина. Тамояния барыня слыла захудаленькой, тем не менее за предложенную Курочкиным цену управляющий Малинки не уступил, но, видимо, обнадеежил кунца, ибо вернулся Тимофей Афанасьевич в Питер «добывать последнюю тыщу». И вот в августе, прослышав о начале войны с Германией, кинулся Тимофей Курочкин за своим капиталом в банк, а немца и след простыл.

Вот когда едва не лишился рассудка Тимофей Курочкин. Топил горе сначала в водке, потом ударился в религию. В деревню из столицы он привез нажитую грыжу, сундук с церковными книгами да пачку бумажных денег. Лишь в семнадцатом году утешился дед Тимофей, когда имения у всех за так отбирались.

Многолетнее пребывание Тимофея Афанасьевича в Петербурге, прочитанные по складам жития святых расширили круг его интересов. Между крестьянских забот и побочных промыслов его цепкий глаз и чуткое ухо успевали схватить и закрепить в памяти интересные события, которым он бывал очевидцем, старые и новые легенды о родном крае. Бахвалился дед перед внуками, что на своем веку трех живых царей своими глазами повидал: малолетком сподобил бог лицезреть Александра-освободителя, вскорости убивенного, Александра-мироотворца довелось встретить уже в зрелых годах, а последний царь Николай Александрович поразил своим малым ростом и полковничьими погонами.

Н АЧАЛО сентября было потрачено на «раскошегаривание» души: входил в работу Курочкин всегда трудно. Для чего-то ему было необходимо, по его выражению, расплеваться со всеми. Постепенно отпадали компании, отдельные приятели. Он заявлялся домой навеселе и угрожал: «Вот я им

врежу!» Последней, с кем он должен был рассориться вздрог, бывала я. И когда я, уставшая от его внутреннего неуютя, от всех проделок и выходов, на которые сударик мой был куда как изобретателен, в изнеможении бросала: «Все, не могу больше, ухожу!», — Курочкин шел на рынок и покупал свежий береговой веник. Вечером отправлялся в баню париться, а наутро начинал наводить порядок в письменном столе, обулаивать рабочее место: задергивал портьеры на окнах, по радиоприемнику подыскивал подходящую мелодию, включал настольную лампу и приступал писать. Писал синими чернилами поршневой ручкой. Правил зелеными чернилами. В рабочий период спиртного не употреблял, но очень много курил.

Перед тем, как приковать себя к рабочему столу, нужен был Курочкину крайний предел сопротивления чему-то. А уж когда пошла работа, злость испарялась, обиды таяли, он весь погружался в себя, извне схватывал лишь то, что имело отношение к его труду. Погружение бывало таким глубоким, что и на отдыхе он полностью не выбирался на поверхность быта. Поставил однажды утюг в холодильник (к счастью, холодный), а масленку — на подставку утюга, сжег не один чайник, сидя у телевизора, бросал реплики невпопад, во сне стонал и плакал. Был беззащитным, как грудной ребенок. Надо было не иметь сердца, чтобы оставить его в такой момент.

Бывало приду домой, заглянув за перегородку (жили мы в комнате, разделенной бараканом на две половины: в лучшей, более светлой, — рабочее место Виктора; в ближней к выходу в общий коридор — хозяйственные принадлежности и обеденный уголок), Курочкин все еще сидит за столом. Подсунул под себя ногу в белом фетровом валенке, прикусил язык от удовольствия и увлеченно строчит. То заливаются-хохочет, то плачет, то вслух диалоги отцифровывает. Я старалась не мешать, сразу уйти на кухню, заняться хозяйственными делами. Или, если еда была у меня заготовлена, тихонько устраивалась с книгой на диване. Но в случае, когда я уж очень затихала, Виктор выскакивал, проверял: здесь ли я. Для душевного покоя ему надо было, чтобы я вовремя пришла и проявляла признаки жизни.

Счастье, что период интенсивного писания

Такие письма, согласитесь, чего-то стоят!

С другой стороны, отношение к Виктору Курочкину в среде «профессиональных» писателей и критиков иначе, как прохладным, не назовешь. Написавший и о войне, и о деревне, и о городе, он не попал ни в один из поминальных списков литературы последних десятилетий и все еще стоит в ней особняком, вне так или иначе созданной иерархии имен. Широкой публике он знаком больше по симпатичному фильму «На войне как на войне» режиссера Трегубовича, где в главных ролях снялись М. Кононов и О. Борисов. Вот и получается, что «Курочкин для эстетов».

Дело будущего — оценить место этого писателя в русской литературе. Да и так ли это важно? «К чужой славе он относился без всяких эмоций», — писал о Курочкине Вик. Конечкий, — потому что, между прочим (при всей скромности), знал себе цену — отлично знал себе цену! — и потому никуда никогда не торопился.

Вниманию читателей предлагаем отрывки из не изданной пока книги вдовы писателя Галины Нестеровой-Курочкиной. Каждый из них имеет самостоятельный характер. Первый отрывок — о семье Курочкиных и судьбе его деда, необычного в своем роде человека. Второй — о работе над повестью «На войне как на войне». И третий — о последних днях и о смерти.

Павел БАСИНСКИЙ

дился у Курочкина не более трех месяцев. Самое сладостное для писателя время наступало тогда, когда он садился за машинку перепечатывать черновик. Делал это со смаком, растягивал удовольствие. Печатал определенными порциями, позволял себе отдых, ходил благостный. Заглядывать в черновики не позволял. Но когда готова была машинописная рукопись, не мог дожидаться, чтобы я приступила к чтению. Тут уж я старалась укрыться от него, читать вольно, не под его испытующим взглядом. Он все равно, конечно, исподволь наблюдал за мною. Ему важно было не то, что я скажу, а то, как читаю. Чувствовала я на себе цепкий взгляд Курочкина только в первые минуты, очень скоро повесть захватила меня, и я позабыла про все на свете. Я и неудержимо смеялась, и замирала от страха, и вытирала слезы умиления и гордости. Я не просто сопереживала героям, я проживала с ними их жизнь. Лишь от конца повести испытала физический укол в сердце.

— Зачем ты убил Саню? — был мой первый вопрос...

П О ПОВОДУ заметок Абрамова, опубликованных его вдовой в «Литературном обозрении». Есть у Федора Александровича такая запись: «В последние дни видел: с собакой. Поводырь. Но он и этого поводыря лишился. Собака умерла».

Еще здоровым Виктор вслух мечтал о двух вещах: «Получу большой гонорар — куплю моторную лодку; займем квартиру — заведу собаку». Купить щенка до болезни Виктор не успел: помешали выездные съемки кинофильма «На войне как на войне». А когда заболел, стала сопротивляться я, из боязни, что не справлюсь со всеми обязанностями, свалившись на мою шею. Федор Александрович улаживал меня:

— Галия, купи Виктору собаку. Я единственный раз пожаловалась ему: — Мне и так тяжело, собака тоже ухода требует.

Не посчитались со мной друзья Виктора. В мое отсутствие принесли четырехмесячную сучку, помесь спанIELа с лайкой. Симпатичное, милое создание. Поначалу долго решали, как быть с кличкой, надо же было выбрать такое имя, которое сможет произнести Виктор, почти по-

терявший дар речи. Он хорошо, четко выговаривал слово: тат. Решили дать новой жилищке имя Татка. Собака оказалась смышленной. Я на всякий случай на обратной стороне ошейника Татки написала наш адрес и телефон. Бумажку с подобной записью я вкладывала Виктору, втайне от него, ему в карман. Поводырем, правда, собака не была, скорее, хвостиком. Из окна я не раз наблюдала: Виктор, слегка прихрамывая, шкандыляет, неся впереди себя согнутую в локте правую руку, а позади — верная Татка. Он остановится, позовет ее, она приблизится, потрется о его ногу, он даст ей печенку или припасенную косточку, прилакает, постоит над нею, и побредут они дальше. Но беда настигла нас и здесь. Не уберегли Татку: подхватила она чумку. Сколько ни лечили, спасти не удалось. Разбитая параличом, совсем немощная лежала она в кресле. Виктор садился на ковер, обнимал ее и плакал. В конце концов он распорядился усыпить собаку. Чего стоила сама процедура! В ветлечебнице поместить в смертный ящик большое животное предлагают хозяину. А она смотрела на меня преданными глазами... Я не смогла выполнить то, что от меня требовали. Потом, чтоб не рветь дома при Викторе, я долго бродила по улицам Ленинграда. Пришла домой в сумерки. Курочкин с какой-то надеждой взглянул на меня, все еще рассчитывая на чудо, но по моему виду понял, что чуда не произошло. Усадил меня на стул возле обеденного стола, выставил заготовленную маленькую, достал из шкафа стопки. Посыпал солью кусочек черного хлеба, отломил половинку мне. Мы молча помянули усопшую душу.

Нельзя оставить без комментария следующую пометку Ф. Абрамова: «Полтора месяца сидел. И наконец сам обрывает муки... За полтора часа сам дошел до больницы. Без помощи... И жену отослал — чтобы не видела его мук». Начну с уточнения. Дата записи в журнале поставлена ошибочно. Видимо, публикатор не досмотрела палочку. Курочкин умер в ноябре, а не в октябре. Теперь по существу записи. «Полтора месяца сидел». В контексте нынешнего времени кто-то может истолковать эти слова, как сидел в тюрьме или сумасшедшем доме. На самом деле полтора месяца Виктор недосмотрела палочку. Курочкин умер в по квартире. Лекарства и процедуры уже не облегчали его страданий. И тем не менее, когда 9 ноября ночью приехала за ним «Скорая помощь», за три часа до смерти, он не захотел, чтобы его несли на носилках, сам дошел до лифта. Я поехала с ним в больницу. У приемного покоя, когда мы выбрались из машины, я пыталась его поддерживать, но он не давался. Хорошо, что и врач, и санитар на «Скорой» оказались мужчинами: мужскую помощь он принял. Они больного под руки довели до приемного покоя. Там я необходима была и как переводчица, и как сиделка. Объясняла врачам, что он хочет сказать, какие и где испытывает боли. И все просила я сделать Виктору поскорее обезболивающий укол. А он меня прогнал домой. Время было позднее и кто-то заказал мне такси. Автомобиль пришел неправдоподобно быстро. Когда стали выкрикивать мою фамилию, Виктор замахал мне рукой, чтобы я уходила. Сестра сделала наконец укол, я пошла к выходу, а потом оглянулась. Он смотрел мне в глаза... Мне не забыть этот взгляд. Он прощался со мной.

Утром я не успела уйти в больницу, меня предупредил милиционер, наш участковый. Он принес записанную на бумажку телефонограмму. Позвонить мне работнику больницы не отважились, хотя телефон у них был. 10 ноября в 3 часа 05 минут 1976 года Курочкин скончался.

«Он умер как солдат. Жил солдатом и умер солдатом». — написал дальше Абрамов. Я бы еще добавила: по-русски, по-христиански умер. В повести «Наденька из Апалева» Курочкин со слов Наденьки так описал смерть Ирины Васильевны Кольцовой: «Истопила бабушка печь, прибралась в доме, прилегла на кровать. Полежала немножко, зовет меня. Я подошла. Лежит она строгоя-престрогая и говорит мне: «Я сейчас помру. А чтоб тебе не было страшно, сбегай за соседкой». Пока я бегала, бабушка отошла...»